

Иван Волченко

АЛЫЙ
цвет памяти

СТИХИ

Иван Волченков

Алый цвет памяти

«Алгоритм»

2019

УДК 82-84
ББК 84.3

Волченков И. В.

Алый цвет памяти / И. В. Волченков — «Алгоритм», 2019

ISBN 978-5-907149-12-0

Для всех поколений нашей страны красный цвет – понятие глубинное и весомое, это цвет древних руссов, их боевые щиты и стяги были красными, в красный цвет охры окрашены могильные камеры предводителей древнего народа. Красный цвет сопровождал руссов на всём времени их существования. Красной была всегда какая-либо часть жилого помещения. До наших дней дошли выражения: «Красная площадь», «Красный уголок», «Красная горница»... Красный – цвет тёплый, властный и тревожный... Для нашей страны он исторически закономерен: корень слов «Русь», «Россия», «красивый» и «красный» – один и тот же. Однако стихи в новой книге автора И. Волченкова – не только об Истории и Памяти, но о самых прекрасных чувствах – любви, нежности, счастье...

УДК 82-84
ББК 84.3

ISBN 978-5-907149-12-0

© Волченков И. В., 2019
© Алгоритм, 2019

Содержание

Славянский слог	6
Романтики	6
Синий зов	8
Колокола	10
Сентябрь	11
Благоразумие	12
Надежда	13
Рассвет	14
Сны	16
Мысль	17
Призвание к небу	19
Я верую	20
Праздники	22
Выбор	23
Весной в лугах	24
Родина	25
В Михайловском	26
Что потеряем – не найдём	27
Звёздный миг	29
Берёзы	31
Весна	32
Дорога на Джелалабад[3]	33
Огнецвет	35
Алтарь	36
Наитие	37
Язычество	38
Тщета	39
Луга в цвету	40
К небу	41
Лермонтов	42
Власти равелин	44
Позднее лето	46
Афган	47
Наваждение	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Иван Волченков

Алый цвет памяти

© Волченков И.В., 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

Славянский слог

Романтики

Мы все идём к незримой цели –
К звезде, блуждающей вдали.
Мы потому идём, что верим:
Звезда мечты горит, горит...
Мечта волнует нас с рожденья.
Она – извечный зов пути
И в нас вселяет побужденье
Идти за ней, всегда идти.

Ей подчиняя свою волю,
Желанья, страсть, веселья всплеск,
С ней – забываем даже боли...
А иногда, как лунный блеск,
Она в нас тайной вдохновенья
Войдёт совсем в обычный час.
Войдёт без нашего к ней рвенья,
Но тронет каждого из нас.

Коснётся и подбодрит мысли,
И чётко выверит настрой,
Чтоб цель пути к желанной выси
Нам не казалась мишурой.
Чтоб смыслом были все мгновенья
Бегущих нам навстречу дней,
А сердце наполнилось волненьем
И билось, билось... всё сильнее!

Погожий день ли, непогода ль,
Мы верим: путь ещё далёк.
И правя мыслей наших ходом,
Он нас заманчиво увлёт
Не меркантильным искушеньем.
За что и мы должны в ответ

Быть беззаветными в служенье, –
Иного смысла просто нет.

Лишь только б скрытое лукавство
Всем нашим помыслам назло,
Под видом сказочного царства
Нас в дебри бед не завело;
Лишь бы мечте не знать подмены

И не познать за то вины
Пред теми, чьи несём мы гены,
Чьи ритмы сердца в нас слышны.

Синий зов

Пока галдёж дня суматошного
Не замутил ещё рассвет,
Струится – слышишь? – голос прошлого
Из самых дальних-дальних лет.
В нем – взлёты жизни и падения,
В нем – очарованность мечты
И удивительное рвение
Во всех делах пустить росты...
Таким же утром сине-розовым
Пылала древняя весна,
Тянулся к почкам сок берёзовый,
В янтарном кружеве – сосна...
День наливался свежей силою,
Ветрами буйными шумя,
Ты не звалась ещё Россиею,
Но ты жила, моя Земля.
Жила стремленьями высокими
В дни битв и мира без прикрас,
Своих детей поила соками
Родной Земли в тревожный час.
Из мира древней невесомости,
Где нет у времени границ,

Ты донесла в славянской скромности
До нас всю нежность женских лиц.
Рассей же, утро, доверительно
Веков седые облака,
Пусть мир откроется пленительный
Из самой дали-далека.
Приблизиться к нему, как к цельности,
Мы жаждем памятью крови.
Ты ж всех затерянных в той древности
Нам поимённо назови.
Всех тех, кого манила тропами
Неуспокоенность души,
Кто быть Земли своей пророками
Святое право заслужил.
Кто уходили в даль походами,
Оставив за спиной уют,
И плыли бешеными водами
На крайний север и на юг.
Иль по земле шли просто пешими,
Шли часто даже наугад,
Где их порой встречали лешие,
С кем испокон был труден лад.

И лишь настрой душевной лоции
Вёл судьбы без греха и бед.
Шли, где луга утрами росные
И упоителен рассвет...
Душа в родстве с тобою, Родина,
Ты для неё – желанный кров
И это чувствуешь утроено,
Когда рассвет и... синий зов!

Колокола

Колокола пока ещё молчат,
Ещё – не срок, ещё немного рано.
И воздух в ожиданье, как-то странно
Притихнув, ждёт... и вот они звучат!

Не торопясь их чудный звук исходит
На тишину, но не теснит её,
А занимает место в ней своё.
И слух твой чутко звуки эти ловит.

В момент сомнений колокольный звон
Для возвышенья чувств твоих потребен.
Он входит в нас, как нравственный канон,
И дух зовёт на внутренний молебен.

Зовёт пока в предутренней тиши
Не вязнет мысль, как в повседневной топи.
Он чувства твои даже не торопит.
Зачем? – ведь ты и сам их обнажишь.

И вот тогда-то в тайный ход сознания,
Минуя слух, войдет небесный ритм
И ляжет нежной строгостью молитв
На вздохи учащённого дыханья.

В тебе самом тогда колокола
Качнутся, чудно издавая звуки...
Момент этот небесного сродства
Не в силах объяснить пока науке.

Сентябрь

Слышишь? – мелодии осени
Проникновенно тихи.
Ветер с дорожной обочины
Шепот доносит ольхи.

Нет ещё в ней дерзкой вольности,
Скромн и тих её нрав.
Клонится лето к покорности
Грустью взволнованных трав.

Клонится спадом беспечности
Вдруг посерьёзневших дней.
Скрытая логика вечности
Гонит на юг журавлей.

Неба уж блекнувшим маревом
Воздух пронизан насквозь,
Мысли немножечко в трауре,
Вроде бы что-то стряслось.

Не затевая спор с истиной,
Весь отдаваясь судьбе,
Лес пригорюнился лиственный
И затаился в себе.

Только в приветливом шелесте –
Стайка подростков-осин.
Есть ненавязчивость в прелести
Первых осенних картин.

Благоразумие

Когда одни мы в комнате с тобой
И в окна входит полумрак неспешно,
То чувствуешь сердечный перебой,
А мысль, увы, – немного даже грешной.

Она же и не может быть другой –
Ни разговора твоего мятежность,
Ни жест небрежный маленькой рукой,
Не умалят нахлынувшую нежность.

Твой облик мой зрачок узрел таким,
Каким он быть достоин обожанья.
В пространстве – слышишь? – зазвучал нам гимн,
Как освящение страстного желанья.

Гимн нас зовёт в волшебную страну
И в сердце отзывается набатом.
Зовёт он нас душой к душе прильнуть
В слепых лучах багрового заката.

Потом его аккорды отзвучат,
Но музыка, наполнив наши души,
Из нас уже не выйдет через час,
И ритм её ничто уж не нарушит.

Но медлишь ты навстречу сделать шаг,
Даже в ущерб всему очарованью;
Тебя ведёт к решенью женский такт –
Ответственность высокого призванья.

Благоразумье женщин – это крест.
Они несут его совсем неброско,
Чтоб не навлечь горенью сердца бед.
Несут его естественно и просто.

Надежда

В надежде – истина духовного спасенья.
Пока её манящий огонёк
Ведёт тебя вперёд, как Провиденье,
Свершается задуманное в срок.
Надежда исключает все сомненья,
И в мире нет ещё таких дорог,
Где б был ты вместе с ней и – одинок.
Надежда – вера, страсть и вдохновенье.
С ней каждая заветная мечта
Приходит к завершенью неустанно,
А порыв ветра в диких тростниках
Становится мелодией органа.
С ней сердца и души слабеют раны...
Так было и до нас во все века.

Желание прочесть на древних стенах
Далёкую пророческую мысль;
Молитвы в храмах, что возносят ввысь
И очищают помыслы от скверны;
Взгляд женщины и твой, когда слились;
Пора весны и нетерпенье плена;
И каждый день, несущий жизни смысл,
Овеяны надеждой неизменно.
С ней расступается перед тобою мрак
Из площадных вульгарностей и врак,
И как-то мягко затухают беды.
Искрящаяся теплотой добра
Она на радости, как радуга, щедра.
Какие ж вместе с ней мы – непоседы!

Рассвет

Как только утром добрый великан
Откроет створ невидимого шлюза.
Заплещется над нами океан
Дневного света невесомым грузом.

И здесь внизу, в лагунах его дна,
В какой-то миг тьма обречённой станет:
Ночь угасает в судорогах сна,
Коснувшись неба обновлённой ткани.

Лучи скользят по сонному лицу,
Играют в кронах молодой дубравы,
И тянутся к ним осушить росу
С одежд своих проснувшиеся травы.

Мы ловим свет хрусталиками глаз,
Ещё несмело приоткрыв ресницы,
И чудо утра проникает в нас,
Затрепетав в груди безумной птицей.

Хоть в этот ранний беззаботный миг
Ещё природа в полусонной неге,
Но новый ритм в неё уже проник
И своей воле подчинил побеги.

Заворожил настойчиво вокруг
Он ощущением чуда всё живое.
Жизнь начинается в беге новый круг
Без признаков усталости и сбоя.

Там, где была недавно темнота,
Мир светел всюду стал и проникаем,
Вся сущность дня становится проста:
Мы видим то, что на пути встречаем.

Всё чётко разграничивает свет
И сам ассоциирует понятия.
Он сверхразумен и его объятья
Для каждого – несбыточный секрет.

К всеобщей радости мы чувствуем причастность;
Глаза вбирают солнечный поток,
Чтоб чувствовать прекрасное прекрасным –
Днём исключён обман или подлог.

Свет вдохновенью зажигает свечи
И всюду льёт ликующий огонь.
К его сиянью поверни ладонь
И ты – участник этой чудной встречи.

Сны

На струнах еле слышного звучанья
Загадочный в душе таится мир.
Он появляется в ночи среди молчанья,
Когда в спокойной мудрости эфир.

В пространстве каждой ночи невесомо
Плывут обворожительные сны.
Коснуться мы их чувствами вольны,
Когда рассудком завладеет дрёма.

И по протокам жаждущей души
Прольётся ткань чарующего свойства,
Как жаром обжигающей свечи,
Порой в нас вызывая беспокойство.

Но чаще сны спокойны и легки,
Как отраженье света в волнах моря.
Тогда они, желаньям нашим вторя,
По звёздным маякам ночной реки

Нас в край иллюзий чудных увлекают,
И памяти взыскующая власть
В сакральное виденье проникает,
Но помнит и земную ипостась:

И мир земной, реальный, самый первый
По всем ночным рассыплется вразброс.
Врачуются волшебной силой грёз
Уставшие в реальном мире нервы.

Мысль

Рождение мысли – тайный ритуал
Интимных сил под попеченьем воли.
Сопутствует рождению целый шквал
Различных чувств, а иногда и боли.
Вся наша жизнь – круговорот начал,
А мысль в ней – неременная основа
Мужского мужества, успеха женских чар
И силы невестственного слова...

Живой наполнен мыслью каждый взгляд:
То из него она протуберанцем

Выносятся, и в образах назад
Спешит вернуться из недолгих странствий;
То, как неспешный скромный ручеёк,
Бег влаги щедро отдающий травам,
Разносится по множеству протоков,
Чтоб успокоить в распрях долг и право.

Она небесных сил земная суть
И суеты житейской охранитель.
Любой лишённый осознания путь
Не приведёт в пречистую обитель.
И даже самый маленький шажок,
Конечно ж, освящён быть должен ею,
Иначе миг ты им напрасно сжёг –
Любой повтор не возместит потерю.

Она – хранитель женского тепла,
Когда далёк и труден путь похода,
Когда нет, кажется, спасения от зла
Или лютует буйно непогода...
Мысль – это мост над буйством пенных волн,
Что называем жизнью мы условно,
А иногда и просто утлый чёлн,
Несущийся средь пенных волн проворно.

Свои у мысли правила во всём:
Не мельтешить, не повторяться дважды,
И каждый миг бывает лишь весом,
Когда не тлеет, а сгорает в жажде.
Желанья ж, не исполненные в срок,
В нас теньями войдут, как приведенья,
И будь готов их выслушать упрёк –
Грех с прошлым со своим вступать в сраженья.

Всего ж опасней в мыслях – поворот,
Когда вдруг под прикрытием лукавства
Они толкуют смысл наоборот,
И им внимает фанатично паства.
В тот час тускнеют истин письмена,
А здоровый смысл – в объятиях тревоги.

Готовь, свобода, снова стремена
И высылай дозоры на дороги.

Призвание к небу

Звон неземной, чуть приглушенный,
Ты приняла, как хорал,
Болью душевной разбуженный...
Мир твоих чувств догорал.

В этой суровой реальности
Лики скорбят в образах.
В честь своей новой избранницы
Небо склонилось в слезах.

Выплачь, берёза плакучая,
Рану смятенной души,
Не по осеннему жгучую,
Только совсем не глуши.

Смерти печальная аура¹
Зовом своим к чистоте
Тронет в груди струны траура,
Где-то потом в суете.

Станем и чище, и искренней
В тот доверительный миг,
Скорбь ощущая осмысленней.
Скорбь – это плачь без улик...

¹ Обстановка, атмосфера, создаваемая положительным или отрицательным воздействием человека помимо его воли.

Я верую

Я верую, верую искренне
В религию предков – она

Как свет набегающей истины
В делах наших каждого дня,
Как подвиг, лишённый тщеславия,
Как катарсис² строгих истцов...
Завещан нам мир Православия
В наследство отцами отцов.

В наш век же поруганных ценностей
Философы с видом расстриг
В хуле веры предков до дерзости
Порой исходили на крик.
Они и теперь, как скаженные,
Хулой нас спешат одарить –
Мол, то мы иначе крещенные,
То – в храмах не те алтари.

В унынье пребудут «мыслители»,
Поправшие высшую связь
Земного с небесным; – в обители
Всяк сразу поймёт: – Бог за нас;
За тех, чью потребность рождения
Восславит в лугах купина,
Родство чьё сквозь все поколения
Руси, – как тугая струна.

С любой агрессивной позиции
Наш норов, увы, не сломить;
В нем стойкость – из давней традиции,
Из помыслов чистых молитв,
Из веры на грани пророчества,
Из опыта грозных годин...
Мы храмы высокого зодчества
Поднимем опять из руин.

И вновь вознесёт по окрестностям
С рассветом малиновый звон
О нашей не сломленной верности
К глядящим величьем с икон.
Я верую, искренне верую
В великую тайну Творца,

² Очищение, возвышение, оздоровление.

Иначе ущербной химерою
Жизнь стала б без веры отца.

Праздники

За прелесть желанной свободы
Мы праздники ценим вдвойне.
В честь их в канун снятся во сне
Дождями умытые своды.

И снятся парады планет...
Во сне всё подвластно виденью;
Но ночь лишь скользнет легкой тенью,
И сразу забрезжит рассвет.

А утром по собственной воле
Во всём ты – творец, и судья.
Дух праздника – это раздолье,
И в дне этом – доля твоя.

В нём – кровь в затаённой тревоге,
И сердца – ускоренный ритм,
А мысли всегда в праздник – боги!
Вся жизнь подотчётна лишь им...

Но праздники будут едва ли
Священны, нарушь их удел;
Они, как алмазы в руде,
Рассеяны в будничной дали,

Как звёзды в холодной ночи,
Как свет маяков в непогоду...
Храни дорогие ключи
От символов их и свободы.

Выбор

Ты горбишься под ношей компромиссов,
Не разгибая от натуги плеч,
А юности где бескорыстный меч,
Когда последний раз тебе он снился?

Или в неравном, роковом бою
Он побеждён без права быть кумиром?
Но сущность же его всегда над миром
Парит и ищет у людей приют.

Уж, видно, равнодушием размыты
Протоки невзыскательной души –
Не держат, как дырявые ковши,
Они надежд искрящийся напиток.

Но выбрав компромисс в поводыри,
Не избежать разлада чувств – изменчив
Их нрав: вдруг страсть, как первородный жемчуг,
Нежданно вспыхнет светом изнутри!

И всё же гаснет, – спор же беспощаден
С пристрастным отношением к вещам.
Порыв прошёл, и мир вновь зауряден,
И скучен добродетелью мещан.

Сквозь меркантильность в повседневном быте,
Как сквозь туман, нечётко жизни бег –
Слеп в бездуховном мире человек
К реальной очевидности событий.

Весной в лугах

Весной в лугах, чей мирно дышит нрав,
В нечаянных видениях немея,
Я видел: ты, как неземная фея,

Плела венки и пела в лоне трав.
О будущем ли в этих песнях пелось
Или о прошлом? – я понять не мог.
Но, слыша их, я был не одинок,
И с ними оставаться мне хотелось.
С ритмами пенья сердце билось в лад
То, ускоряя бег, то замедляя
И дважды ничего не повторяя.
Но пенье, к сожалению, шло на спад.
А чудо длилось, и душа покорно
Искрилась как бы радугой огня –
Той, что коснулась только что меня,
Заставив биться сердце беспокойно.
Другие ритмы я впустить не смел
В не мною управляемый рассудок.
Он в предпочтенье сам был крайне чуток
И ничего иного не хотел...
Теперь, как наступает только ночь,
Ликующие травы всё мне снятся.
Но повторенья пения дожидаться
Усталым ожиданиям невмочь.

Родина

Ты из детства всегда со мной, Родина,
Как проталинка в ярких цветах.
О тебе всегда память утроена,
Чтоб родник отчих дум не зачах.

Первый вздох, первый вскрик с удивлением,
Первый шаг с умилением до слёз,
И в лице, дорогом мне, волнение
Бурных, радостных маминых грёз.

Каждый день тогда был обретением;
Радость мчалась, как быстрая лань,
Ощущая в себе нетерпение
От впервые открывшихся тайн...

Кто-то скажет: – «Увы, неказистое
Это место – одна глухомань...»
Но зато по-русски росистые
Здесь луга по туманным утрам.

Не проспать только б самые ранние
Благодатного утра часы.
Чем ни раньше, тем утро желаннее,
Отражённое в каплях росы.

Где-то вскрикнет предранняя горлица
И в тумане погасится крик...
Воды Ловати лишь за околицей
Не теряют свой гул ни на миг.

Их несёт без руля и без лопы
На большой каменистый порог.
Грудь всегда наполняют эмоции,
Видя рвущийся с шумом поток...

Та земля, где родился ты – истина:
С ней нельзя ни шутить, ни грешить,
С ней лишь – верность и полная искренность.
В том причин нет с сомнением спешить.

В её жизни, не знающей праздности,
Не оставишь забот о ней вдруг;
Не иссякнет желанье причастности
Ко всему – всё волнует вокруг!

В Михайловском

Парит над шумной суетой
Нахлынувших людских желаний
И жаждущих духовной дани,
Здесь – в Синегории святой

Поэта дух, как бы астральный –
Неосязаем и незрим,
Хоть вряд ли кто сравнится с ним
Своим присутствием реальным.

Храня его от всех грехов,
Земля и трепетно, и щедро
В свои заботливые недра
Впитала страсть его стихов.

Поэт в раздумьях одинокий
Здесь по полям бродил окрест,
И все приметы здешних мест
Легли в лирические строки.

Внимая смыслу этих строк,
Их чудной воле обаянья,
Мы с настороженным вниманьем
Воспринимаем, как урок,

Полет божественных творений
С их безошибочной канвой,
Определённую судьбой
Всех совершившихся явлений.

В тех строках мудрости земной –
Великий дар и труд бессонный.
Мы пьём из чаши их бездонной
Напиток терпкий и хмельной

С настоем вечной жажды жизни
Любить готовой и страдать.
Мы пьём, чтоб мыслям сил придать
Развеять дум настрой капризный...

Что потеряем – не найдём

К поре, надеждой освящённых лет,
Когда вдруг наша память обратится,
То встретим с доброй завистью ответ
На устремлённых в будущее лицах –

На нас самих, не ищущих покой.
Дух юности всегда стремится в вечность,
И, увлеченным времени рекой,
Нам невдомёк, что всё, увы, конечно.

Тогда день каждый вызывал восторг
И уж по меньшей мере, удивленье.
Мы только не могли себе взять в толк,
Что юность порастёт травой забвенья.

И не могли тогда предугадать,
Как сложится у каждого удача,
Когда нам ждать от жизни благодать
И в день какой безудержного плача.

Знать не дано нам, что будет потом,
Что предпочтёт изменчивое время:
Войдёт ли день радушием в твой дом
Иль на скаку порвётся жизни стремя?

Невзгоды все приходят невзначай,
Когда с судьбой не сходятся пароли,
И сердцем будет повелеть печаль,
Оно ведь в тот момент – в орбите боли.

Чем дальше мы от юности уйдём,
Интуитивней чувствуем преграду,
Которую когда-то перейдём,
Не до конца поняв земную правду.

Мы многие в беспечности живём,
Не чувствуя утраты своей цели.
Того, что потеряли – не найдём,
А вновь восполнить уже не успеем...

С осенней грустью жизнь уж светит нам.
Ты будь ей верен, чувства не скрывая,
Входи спокойно в каждый день, как в храм,
Надежду в них ищи, не уставая.

В ком сохранился доброты запас,
Дарите его в каждое мгновенье,
Дарите всем: кто ждёт его от вас
И кто не ждёт, – дарите исцеленье.

Быть трепетной и жертвенной должна
Душа всегда, пульсируя бессменно.
Для глаз, увы, невидима она,
Энергия ж её проникновенна.

На не остывшем пепелище чувств,
Искрясь, она как бы рождает чудо
И в повседневном хаосе безумств
Надёжней ориентирует рассудок.

Звёздный миг

В той дали, по извилинам протоков,
Где аромат блуждал ночного сада,
Нам в тишине, за старенькой оградой,
Открылся незнакомых чувств исток.
Там и сейчас любой земной цветок
Ревниво бережёт свои наряды,
А щедрость звёзд, которых мириады,
Льёт по ночам таинственный поток.
Божественна в чарующей вуали.
Их рассекаешь мысли острой сталью.
Полуночного сада тишина.
И пусть разобщены виденья далью,
У памяти есть конь и стремя;
Врезаясь на скаку во времена,
Их рассекаешь мысли острой сталью.
Полуночного сада тишина
Божественна в чарующей вуали.

Будь славен первой встречи нашей миг.
Для нас с тобой в нём вся земная ценность.

Пусть он за далью времени поник,
Но можно ли предать его забвению?
О, первых чувств неудержимый крик!
Ты связываешь жизни нашей звенья
И поишь утешеньем, как родник,
Потребность сердца в трудные мгновенья.
Полёт твоих неведомых лучей
Оберегает торжество союза.
Наш звездный миг, о, больше ты – ничей.
С тобой не тяготит нас, как обуза,
Увы, любая повседневность груза
Обычных малозначащих вещей.

Для нас хранишь ты все воспоминанья,
Не обрываешь с прошлым чудных уз
И часто обрекаешь на «изгнанье» –
Туда, где бился учащённо пульс;
Где вера, воплощаясь в изваянье,
Не позволяла извращённый вкус;
Где подлости лишь маленький укус
Вмиг колебал устои мирозданья;
Где страстности высокие огни
Испепеляли ложную парадность,
А зов любви застенчивый и жадный

Тоскующе всегда к себе манил.
Частичкой вечности остались эти дни,
Причастность к ним нам до сих пор отрадна.

Берёзы

Стоят в редколесье берёзы.
Вдруг... ветер – бродячий шалун
Чуть тронул их нежные косы,
И в шелесте миг потонул.

Вы как подвенечные сёстры –
В счастливой печали... Весь день
Всё ждёте кого-нибудь в гости
В свою милосердную тень.

Сквозь время своё назначенье,
Как девичью честь, вы несли.
Сбивается мысль в нетерпенье,
Едва вас завидишь вдали.

Нет в зное июля потребней
Листвой навевающих од.
Мы входим в тень крон, как в целебный,
Прохладный, спасительный грот.

День светлый становится пёстрым
В тени говорливой листвы.
Соседки, подруги и сёстры,
Надолго запомните вы.

Запомните каждая статью,
Зелёным отливом косы
И белым по-летнему платьем –
Сполохи земной красоты!

Весна

Приход весны – всеобщая отрада;
Весёлый зеленеющий простор
Для всех надежд открыл незримый створ,
Чтобы они немножечко парадно
В него вошли и вызвали восторг.
Пред взором – май, ликующе-нарядный.
Всех наделяя светом благодатным,
Он не приемлет скаредность и торг.
Пора весны приводит к постиженью
Прекрасного и доброго вокруг:
Рождённое в ней движется к взросленью,
А всё иное – к самоутвержденью.
Весна – это всеобщий недосуг.
Ни в чём она не любит проволоочки,
И вслед за тем, как день дождём пропах,

Уже следит, когда же на ветвях
Пробудятся ликующие почки?
Ждёт день, когда растительная кровь,
Рождённая земной всеильной плазмой,
Прорвёт в стволе сосудистые спазмы
И выйдет на цветенья буйный зов.
Так крика журавлиного ждёт осень,
А лето иссушённое – дождя...
Нельзя быть смыслом ничего не ждя:
В извечной жажде смысл сосредоточен.
Сама земля зов неба жадно ждёт
И этим ожиданием живёт.

Дорога на Джелалабад³

Весь в петлях серпантина будет путь
Для тех, кто – на восток, к Джелалабаду.
Иного нет – лишь этот горный спрут,
В извивах скрывший не одну засаду.

В ущелье рядом мечется Кабул,
В гранитных стенах разрываясь в пену
И оглашая горы – дикий гул
Из преисподней рвётся в ойкумену.

Над ним стоит покоем Гиндукуш.
Чьей мудростью полно его сознание,
Арабской иль санскритской, когда уж
Мистически шипит в его название?

Глубокие долины горных рек,
Обломки скал, будто остатки копий.
Пещеры-гроты, как бы входы в штрек
В которых вечность время не торопит.

В соседстве с перевалом – высший пик.
Уж тут-то время ощущаешь кожей
И, видно, отзываясь на инстинкт,
Не чувствовать судьбы своей не можешь.

Отсюда кручи разбежались вниз
Как будто бог открыл гранитный веер.
Смятение в этот каменный каприз
Принёс наш бронированный конвейер...

Дорога, разломавшись, пошла на спуск,
Виляя в ограниченном просвете.
Вечерний свет, став обречённо-тускл,
Размыл все скалы в облики мечетей.

Под сводами их, сотворив намаз,
Общаются с Всевышним муэдзины⁴
И, хладнокровно пропуская нас,
Обиды вымещают... залпом в спины.

И в этот миг причудливый пейзаж,
Будь хоть он и космическим виденьем,

³ Город в восточной части Афганистана.

⁴ Служитель при мечети у мусульман.

Спадает разом с напряжённых глаз,
Ведь мысль уже вошла в оцепененье.

Надсадным гулом стонет каждый трак,
Гудит непринуждённо обеща
Непримиримость откровенных драк,
В которых поражение не прощают.

Мы входим, как в наркоз, в горячий бой,
Не ведая убежища и страха;
Мы без Христа вошли в конфликт с судьбой,
Они ж – с мольбой о помощи Аллаха.

Вкушая боя ядовитый плод,
Стоит в гортани в привкус смутной боли
Тех, кто в своих желаниях не смог
Сильнее стать, увы, небесной воли.

Судьба – в движение... Оптимальный ход
Найдется ль для прорыва иль отхода?
Афган для нас, увы, и эшафот,
И поиски спасительного брода.

Огнецвет

Всё стало как-то пасмурно у нас,
Стремленья наши стали не едины,
И в узкой прорези твоих сердитых глаз
Сквозят зрачки холодные, как льдины.
Оберегая праведность свою,
Ты почему-то чужд моих желаний.
Толпятся страсти, как на поле брани,
С мечами у рассудка на краю,
Где маленькая искорка раздора
Вот-вот начнет открытую войну.
Ведь быть у безрассудности в плену
Решается, увы, легко и скоро;
Один лишь миг, и шквальная гроза
Уже сечёт безжалостно глаза.

Несовместимых, видимо, с моими
Мне не понять природу твоих дум.
Но кто укажет путь исповедимей,
Чтоб не был ты на том пути угрюм?
Кто скажет, что на нём не будет спора
И это будет самый честный путь?
Я так хочу порой к тебе прильнуть
И так скорблю, что сник порыв задора.
Ещё мы вместе вроде, и не рядом,
Нет задушевности, ещё чего-то нет.
Ужель взаимной страсти огнецвет,
Как ранний мак, отцвёл в куртинах сада?
Ужель над нами небо разошлось,
Чтоб путь земной нам обозначить врозь?..

Алтарь

Хоть в начале строки, хоть в конце,
Вольной песни иль строгого гимна.
Твоё имя звучать будет дивно,
Югославия!.. В горном венце,

Далью-далее от русского слуха,
Скрыта сербов напевная речь.
Родословная ж общего духа
В нас живёт и при скудости встреч.

Небо нас своей волей сроднило
По крови и по вере – вдвойне,
Чтоб испытывать, видно, в огне
Одного и того же горнила.

Кто в твой мир несказанный войдёт,
Обретёт сразу чувств половодье
И, конечно же, сердцем поймёт,
Как родно ему это приволье...

Не иссякнут двух наших миров
По-славянски звучащие музы,
Как священные вечные узы,
Как природы волнующий зов...

Когда боль разнеслась наша эхом,
А надежды рассеялись в грусть,
То к тебе по заветнейшим вехам
С кровоточащим горем шла Русь.

Русь искала в тебе исцеленья
Древней вере, пошедшей на слом:
Полыхнуло в твой дом, как огнём.
Русских судеб тогда потрясеньем.

Как спасенье души, как тропарь
Всех молящихся искренне, нежно,
Как праматерь, как свет и надежда,
Югославия, ты наш – алтарь.

Наитие

К истокам дел всех обратится память,
Когда в ладони землю взяв свои,
Вдруг ощутишь: кровь тёплыми рывками
Отяжелело вздрагивает в них.

Всё, что нас угнетало непомерно,
Отходит вдруг, как суетная блажь.
И суеверных наваждений скверна,
И на пути обманчивый мираж...

Как дальним гулом перекатных бродов,
Исконное нахлынуть норовит,
С воскресшей болью материнских родов,
Рассеянной с младенчества в крови.

Ты чутко слышишь голос этой боли,
Способной слабость духа укрепить,
Чтоб вдруг в постигшем ненароком бое
Не мог от своей правды отступить.

Той, что в печали не стяжает славы
И не приемлет помощи от лжи,
Отсутствующей разве у лукавых,
Да тех, кто всюду сеет мятежи.

И свет добра, и тени преисподней
Всё чётко закодировала кровь,
Чтоб нужное, не забывая, помнить,
Не полагаясь на надёжность слов.

Мы чувствовать всегда должны события –
Несут они нам пользу или вред –
Пусть бьёт родник природного наитья,
Чтоб ломкий мост надежды одолеть.

Язычество

Ещё в кострах языческих стихий
Не заронился дух противоречий,
И далеко ещё горели свечи
В дни христианских строгих литургий.

Но самоисцеляющейся вере
Жить оставалось лишь недолгий век,
И внукам внуков византийский грек
Уж на исходе века нашей эры

Предложит мудрость от иных начал –
От осознания триединства Бога,
Чтоб духа окоём не измельчал,
А мысли не сжигала бы тревога.

Предложит веру с символом креста,
Суровый аскетизм во искупленье
И перед ликом жертвенным Христа
В молитве преклонённые колени.

Весь облик мира обратится к нам
С иной совсем системой мироздания,
И мы войдём с молитвой в новый храм
Познать душой святое ликованье...

Пока ж ещё высокие огни
По праздникам горели над холмами,
Чтоб дух гордыни, не развившись, ник
Под действием духовного цунами.

О, сам он, этот жертвенный огонь
Был искрой неба – высшего из духов,
Предтечей и прообразом икон,
И оттого в людской душе не тух он.

Власть суеверий сдерживала плоть
От посягательств на чужое право
И становилось принципами нрава,
Когда открылся разуму Господь.

Всё по законам её связей жило
И шло по трудным перевалам лет.
Язычество – духовный первоцвет,
Блуждающий ещё по нашим жилам.

Тщета

Вдруг кажется, что мир наш – просто свалка,
Спешащая всё под собою скрыть,
А времени безудержная прялка
Прядёт чужих желаний злую нить.

Дни уплывают по законам грубым
В небытия разверзшийся провал.
К какой же цели мы несёмся, люди,
Сбивая с ног друг друга наповал?

Какие силы правят этим бегом
И доверять им можно ли вполне?
Безмолвствует, увы, над нами небо.
Кто ж нам ответит за самих извне?

Природы суть для мысли непролазна,
Зачем ей целью быть дробовика?
Людская ж добродетель в миг соблазна
Бывает не особенно крепка.

Жизнь – торжество то мудрости, то вздора,
И человечество то празднует успех.
То погружается, увы, на дно позора,
Когда без меры тяжелеет грех.

Так соберись же в мыслях на мгновенье,
Понять причину беспричинных бед...
И острый взгляд поймает в исступление
Всю тщетность самых искренних надежд.

Луга в цвету

К душе весенний перелом
Уже крадётся в конце марта.
И хоть не скоро первый гром,
Но чувства, полные азарта,

Уже – на стартовой черте,
Совсем, как взнузданные кони.
И долго ль удержишь их в узде,
Когда их зов природный гонит

В луга, где запахи весны
Дурманят дух теплом и светом,
Где мысль и плоть твои вольны
И благодарствуют за это.

Туда, где зимняя печаль
С душой весны несовместимы:
Свет сноровист, как битве сталь,
Власть разрушая мрачной схимы.

Раздолье – русские луга.
В них тишина, как бы святая.
А сквернословить в них и лгать –
Затея самая пустая.

Во имя верности, любви,
Во имя бескорыстных мыслей
Цветут луга моей земли,
Храня в цветках небесность истин.

Луга – земная благодать.
Их травы все обильны соком,
А нашу вольность их примять
Они прощают без упрёка.

К небу

Спаси нас, о Небо, – от срама спаси, –
Ещё б перестройку одну на Руси!..
Обратно чтоб скинуть пленения цепи,
А в душах забился опять родной трепет.

Манеры чужие, мы просим, разрушь,
Избавь саму жизнь от скучающих душ –
Избавь наши мысли от злого налёта,
А в чувства всели ощущение взлёта.

Принять мы не можем страны новый бег,
Нет цели в нём той, чего ждёт человек;
Хотим ли мы быть понукаемы к гону
На алчное капище бога Мамоны?..

Душевный покой – мирный вектор судьбы,
Тревожность же – скрытая форма борьбы...
Дай выбор нам первый – божественной сути,
Вне действия жажды к заморской валюте.

Надежды и беды с людьми раздели –
От морока всем нам очнуться веди;
Один должен путь быть у власти с народом,
И к благам чтоб не было тайного хода.

Пусть звёздные реки нам снятся во сне,
А чаша желаний пусть будет полней.
Ритм сердца пусть будет порывист и страстен,
И к женщинам чувство святое не гаснет!

Лермонтов

Будто взмахом невидимых крыл,
Поэтическим искренним словом
Свои помыслы ты нам открыл:
Мы услышали всё в твоём зове.

Торжествует надежда души.
Чего б взгляд ни коснулся твой – всюду.
И добро непременно вершить
Норовит осененный рассудок...

Хо́да времени властный поток
Не ошибся в том, кто ему нужен:
Он почувствовал в музыке строк,
С чем ты с юности мыслями дружен:

Увлеченно пришпорен пегас,
Сердце дышит желанной свободой...
Только б пламень души не погас –
Без него нет общенья с природой.

Не ведя меркантильно с ней торг,
Ты берешь у нее изумленье,
Возвращаешь же страсть и восторг,
И горенье, горенье, горенье...

Воздух неба и соки земли
С жаром мыслей твоих – триедины:
Их целебный стихийный разлив
Лечит боль и ласкает седины.

Время мерно чеканит свой шаг
Под аккорды любимого барда.
Все, что строчки твои говорят,
Кто оспорит, что это неправда?

Чести только решая служить,
Ты несешь, не ропща, эту службу;
Жизнь готов на алтарь положить
За неё и за преданность дружбе.

По чьей воле познать Валерик –
Реку смерти пришлось тебе в битве?
По чьей воле с отребьем возник
Спор, приведший к прощальной молитве?

Мысль убийцы была коротка –
Без раздумий и лишних сомнений.

По чьей воле убит русский гений,
Обагрив кровью склон Машука?

Власти равелин

Мало не покажется –
То, что прочат плен
Русской силе кряжистой
С помощью измен
Суетные люди
Из высоких каст.
Небо всё рассудит
И за всё воздаст.

Времена смятенные.
В головах – разлад.
Сами дни, как пленные,
И без красных дат.
Нет в строю и стяга –
Доблести венца,
Что вселял отвагу
В души и сердца.

Вывих государственный...
В нём людской порок
Стал намного барственной,
Чем когда-то мог.
Он принёс немало
Бед нам, не крестьясь,
И чванливей стала
Новой знати страсть.

Скопищу базарников,
Цель чья – всё себе,
Люд страны стал данником
В дармовом труде,
Целью стал поборов,
Плутовства и склок...
Реки ж думских споров
Все текут в песок.

Бурные ж овации –
Тем, кто разъяснил
Прок приватизации,
А порок в ней скрыл;
В беспросветной бедности,
В алчной суете
Нравственные ценности
Уж совсем не те...

Зря что ли терактом
Взорван русский лад?
Взрыв, как катаракта,
Замутил наш взгляд.
И порок презрительно
Из-за наших спин
Строит оскорбительный
Власти равелин.

Власти для нас странной:
Весь в бойницах лжи
Равелин обмана –
Скопище чужих,
Тех, кто был скандален
И творил кураж,
Кто был гениален
В деле крупных краж...

В позе благодетелей –
Каждый властный сноб.
Маской лжерадетеля
Стал им вечный трёп,
То есть, – речь с подлогом
Изощрённых фраз
В логике убогой,
Как у всех пролаз.

Дух наш, по-отечески
Мудро укрепись,

От манер купеческих
Малость отступись.
Собери всю волю
Для достойных дел,
И не дай плеейбоям
Вызвать беспредел.

Позднее лето

Преддверье осени, а дни
Полны все солнечного света.
Ещё щедра природа лета:
Мир благодушествует в них.

Те дни не знают скучных будней:
В природе лад, тепло и свет.
Откуда всё это? – секрет.
Природный ритм всегда подспуден.

Земли законами вращения
Сокращены пределы дня,
А мир в чистилище огня
Горит, всё жажда очищенья.

От упоенья грустью нив
Иль от речных дрожащих бликов,
Иль птиц волнующего крика
Дни не спешат – их бег ленив.

В их лени – бескорыстье лета,
Но не чарующий обман,
В них не пожух ещё бурьян,
Как грустной осени примета.

Ведёт нас лето, не скупясь
На теплоту, в просторы странствий,
А там – в заснеженном пространстве
Земли слабеет с небом связь.

Афган

Веков минувших строгий ритуал
Нас вопрошает, болью входя в кости,
Зачем же вы в объятья этих скал
Пожаловали, северные гости?
Вопрос этот естественностью прост
И чист, как взгляд невинного ребёнка.
А наш ответ?.. Он детство перерос
И заблудился в нравственных потёмках.
Как же начать достойней разговор?
Свести в дипломатическое русло
Иль перейти на митинговый ор,
Чтоб совесть от сомнений не огрузла?
Живущим тут, шиит он иль суннит,
Чужая воля – пуще лихоимства.
И вправе ли непрошенный визит
Ждать для себя от них гостеприимства?
Традиции не позволяют здесь
Корану стать прислугой иноверца,
И мы это должны были б прочесть
В чужих глазах незлобивостью сердца.
Но не прочли, усердствуя в своём, –
В почтение к философии без Бога.
Мы, не просясь, входили в каждый дом
С моралью своей несколько убогой.
Афганистан – страна скалистых гор,
И пыльных, неуютных плоскогорий,
Ты закровил вдруг тысячами пор
Без намеренья стать, увы, покорней;
Ты принял, как обязанность, войну
В защиту своих гор, надежд и веры,
И не поставил смерть себе в вину
Тех, кто привёл в долины бэтээры.

Наваждение

Тот, кто страной бездарно правил,
Увы, болезненно не слёг,
В Форосе будучи, а Каин
Его там вздёргнул на силок.
Безбожник был наш вождь-повеса
И потому легко проник
В него лукавый шёпот бесов:
«Ты будешь вечен средь живых...
Да что там слава Герострата⁵?
Ты будешь властным и богатым,
Кумиром улиц и гульбы,
Завидным баловнем судьбы.
С рожденья все имеют мету
Исподней истины земной.
И ты несёшь это клеймо,
На что, конечно же, не сетуй.
Служенье чистым небесам,
В чём убедиться мог и сам,
Ничем житейским не прельщает,
И лишь извилины ума
Вдруг жалость сдуру посещает.
Ну, жалость ли, скажи, нужна
Тому, кто почести добудет
Без хлипких нежностей? Ведь люди
Довольно падки на обман,
А ты немножечко – шаман.

⁵ Известность, достигнутая преступными средствами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.